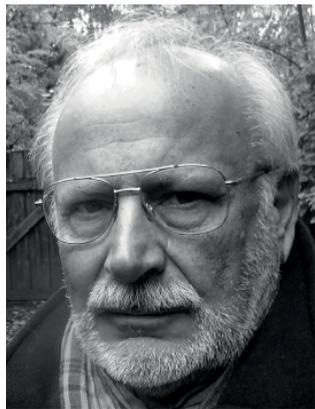

Владимир Куницын

Владимир Георгиевич Куницын – родился в Тамбове в 1948 году. Окончил философский факультет и аспирантуру МГУ. Работал на «Мосфильме», во ВНИИ теории и истории кино, в журналах «Литературная учёба», «Советская литература», обозревателем «Литературной газеты». С 1993 по 1998 год вёл авторские передачи в эфире радио «Маяк», с 1998 по 2014 год работал на Центральном телевидении. Лауреат премии «Литературная газета» (1988), премии им. А. П. Чехова (2008), журнала «Москва» (2019). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ И КОТ БАСЯ

Вспомнился забавный случай. Что-то похожее на этюд от великого режиссёра. Однажды к нам на Песчаную, в родительскую квартиру, приехал Андрей Арсеньевич Тарковский. Один. По его сосредоточенному лицу я решил, что на важный для него разговор.

Я всегда радовался, когда видел Андрея. Он очень мне нравился – своей одухотворённой нервностью, живостью мимики, мужской красотой. Я считал, что он похож на русского офицера, дуэлянта! Впервые увидел его лет в шестнадцать. Конечно, даже не подозревал, что передо мной гениальный человек. Он просто сразу понравился. В отличие от других приятелей отца, пожалуй, тогда известных поболее Тарковского, Андрей совершенно не лицемерил, был абсолютно настоящим. Так я его ощущал – как мальчишка, мальчишеским чутьём. И с годами не изменил о нём мнения.

Этот его приезд в наш дом на Песчаной оказался последним. Андрей вскоре покинул Россию. Как оказалось – навсегда. Когда они вышли из кабинета, я был тут как тут и, улучив момент, спросил Тарковского, правда ли, что он собирается снимать «Мастера и Маргариту».

Андрей коротко взглянул на меня и задумался – руки нарисовали вокруг головы китайский иероглиф: правая щека припала к левой ладони, а затылок уткнулся в ладонь правой руки. Вся эта сложная конструкция была какой-то тревожно-зыбкой. «Видите ли, какая штука! – сказал Андрей. – Я представляю, как можно снять всё. Но я не знаю, не могу представить, как снять Бегемота!»

Пока он говорил всё это, мы шли по квартире и оказались в комнате с ковром на стене. И тут Андрей молниеносно подхватил с пола нашего кота Басю и одним непрерывным движением, как бросают лопатой снег, властно, по-режиссёрски непререкаемо – швырнул его на ковёр!

Здесь уже удивил кот. Он грациозно, иначе не скажешь, наподобие мотоциклиста в цирке, мелькнул дугой по отвесной стене и, мягко притормозив, с высокомерным шиком равнодушия ступил на пол.

Андрей повторил: «Не знаю, что делать с Бегемотом. Наряжать актёра? Плохо!»

Так и остались вопросы. Отец не рассказал, зачем приезжал Андрей Арсеньевич. И фильм по Булгакову Тарковский так и не снял. Интересно, имея в руках нынешние компьютерные технологии, как бы он всё же решил проблему Бегемота?..

И ещё осталось изумление от поведения кота Баси. Это был свирепый камышовый сиамский голубоглазый гордец, никому не спускавший обид, унижений и просто недостаточной почтительности! Однажды брат Миша отшвырнул его ногой. И тут же горько пожалел о своём поступке. Кот вскочил на лапы, заскрежетал когтями по паркету от нетерпения, как гоночная машина жжёт шины на старте, включив максимальную скорость, и – бросился с разбегу обидчику прямо в пах, зловеще щёлкая зубами. Михаил успел отмахнуться, но не тут-то было! Кот разогнался опять и прыгнул теперь ещё выше, целя в грудь! Миша, вопя от мистического страха, бросился за дверь. Больше Басю не пытался унижить никто, даже в шутку.

Почему же кот так спокойно проглотил режиссёрский экспромт от Тарковского? Почему не вспылил?

МИШКА, МИШКА, ГДЕ ТВОЯ УЛЫБКА?..

Брата Михаила не взяли в подводный флот, хотя весь районный призыв брали именно туда. Военком посмотрел на Мишу раз, посмотрел ещё и сказал со смешанным чувством восхищения и досады: «Куда ж ты вымахал, бэ? Ты ж ни в одну лодку не влезешь!»

И отправил Мишу, в порядке исключения, служить три года, но – над водой! А нечего выпендриваться со своим нестандартом в два метра! Миша к восемнадцати даже папу перерос. А папа был, как любили говорить его друзья маленького роста, ну такие, например, как знаменитый кинорежиссёр Марк Донской – сибирским богатырём! Так папу любили величать. И вдруг появляется Миша, ещё больше, чем папа. Это уже совсем какой-то нонсенс, вызов неподготовленному мировому сообществу!

Я-то давно подметил, что Миша гораздо крупнее своих сверстников. Гораздо! На одной примечательной фотографии из пионерского лагеря, где брат Миша стоит рядом со своим сверстником, мальчиком лет десяти-одиннадцати – Миша похож на папу этого мальчика. Одна Мишина нога выглядит как-то убедительнее, чем весь чужой мальчик. Картина! Мы все до сих пор смеёмся, наткнувшись на эту старую фотографию! А Миша, кстати, обижается, как и в детстве. На наш глупый смех.

Помнится, привезли нам в новую московскую квартиру мебель. Бригадир грузчиков, огромный мужик, всё посматривал внимательно на Михаила, как тот пыхтит, помогая; а потом деловито, ну просто как цыган лошадь, пощупал Мишины руки, ноги, помял плечи и с великой убеждённостью изрёк: «Тебе, парень, надо борьбой заняться. Чемпионом мира будешь!» Сам он оказался бывшим борцом, два раза становился призёром Москвы в тяжёлом весе по «вольной», но – когда щёлкнул пальцем по горлу, мы сразу поняли, почему он теперь грузчик.

Миша лет в четырнадцать и правда записался в секцию самбо. К этому времени я уже несколько лет «бил по почкам» старому мешку с песком. Мешок фригидно, но мастеровито уклонялся влево-вправо, избегая бесконечно опостылевших ему молодых боксёров, с их озабоченно-страстными наскоками.

Регулярное это «избиение» происходило по какой-то прихотливой фантазии судьбы – в спортивном зале ЦСКА на Комсомольском проспекте, в двух шагах от Союза писателей России, до которого дела мне тогда никакого не было и в помине. А между тем, как я узнал позже, бокс нравился самому Александру Сергеевичу Пушкину, который не ленился самостоятельно изучать «английскую забаву» по французским книжкам!

И вот однажды как-то поехали мы с братом Михаилом в Серебряный Бор кататься на лодке, загорать и плескаться в пресных водах. Мне уже стукнуло двадцать, а Мише пятнадцать. Я был – придётся горделиво повториться – достаточно сильным вьюношей – с детских лет лыжи, лёгкая атлетика, слалом, велосипед. Регулярно и в охотку поднимал утюги, потом гантели, а позже, в ранней юности, зашалил и с разборной штангой на двадцать кэгэ, ну и, наконец, любимый бокс... И потому, валяясь на речном песке, стал я подначивать одного со мной роста Мишу на «померяться силой». Пока Миша отнекивался, я деловито взял его в захват и начал заваливать на левую лопатку.

Миша спокойно стерпел этот манёвр и даже позволил сесть на себя верхом, что меня несколько обеспокоило. Как, наверное, Наполеона горячая Москва, когда он рассматривал её с Воробьёвых гор в 1812 году. Я на всякий случай спросил: «Ну что, сдаёшься?» На что Миша миролюбиво сказал: «А мы чего, боремся?» Я ухватил его за шею и принялся неторопливо «душить», чтобы понял он, наконец, кто в доме хозяин. Мише это не понравилось, но стерпел он и сей манёвр. Слегка подушив его, я опять уселся на его широкой груди со словами: «Что, чувачок, сдался?» – и пару раз для убедительности подпрыгнул, как верхом на лошади.

И почему-то вот именно это Мише не понравилось. Сначала он подозрительно глубоко задышал, помидорно побагровел лицом, а потом я явственно ощутил, что подо мной пробуждается Везувий. Или даже точнее – паровоз! Вот сдвинулись его могучие штифты, приводя в движение колёса, вот ожили шатуны и рычаги, пыхнул паром огромный, быстро раскаляющийся котёл и... я почувствовал, как вдруг едва заметное Мишино движение заблокировало свободу моей правой, опорной ноги, а затем уже и одна из моих рук, не желая того, куда-то опасно потянулась Мишей, и я сообразил, что вот, через секунд пять, потерю равновесие и он не просто свалит меня с себя, а уже сам сядет сверху.

Я напрягся изо всех своих спортивно-физкультурных сил, «прощально» сдавил его, как смог, и вырвался из чугунных объятий со словами: «Ладно, живи!» Миша какое-то время подышал бурно вздымающейся грудью, перекрывая ею горизонт, и успокоился. И если честно, меня уже даже не задело, что он так легко пропустил мимо ушей мою «великодушную» финальную фразу...

Но особо крепко запомнилось, как отдавали мы Михаила в армию, уже на сборном пункте. Сам момент его отлипания от нас, семьи. Подошли автобусы с приглашающе раскрытыми дверьми, мальчишки полезли внутрь. Миша ещё стоял с нами, самый из всех большой, тёплый, домашний наш ребёнок, но только с государственно обритой головой. И вот он в дверях, двери со скрежетом сдвигаются, я вижу через окно растерянное, по-телячьи тычущееся в стекло детское лицо, прощальный взмах руки!

А через полгода отец читал в большой комнате очередное письмо от Миши из Североморска. Специально всех собрал, чтобы и мы разделили с ним нечаянные слёзы его веселья. Он размазывал их по щекам, выходя с конвертом из кабинета.

В этом письме Миша сообщал, что занял второе место на чемпионате Военно-морского флота СССР – по боксу! В супертяжёлом весе.

– Почему по боксу-то?! – поражённый, вскричал я.

Папа, успевший насладиться письмом, пояснил – потому что Мишин командир был уверен, что, если салага занимался самбо, значит, и бокс постигнет! В процессе самой драки, так сказать. К тому же выставить боксёра в таком весе от Северного флота – на знаменитом флагмане «Мурманск» – было некого. Кроме нашего «домашнего молочного телка», правда, уже прошедшего учебку, получившего первую лычку на погон, а также бесценный опыт приобщения к коллективному разуму могучего военного организма!

Об этой, самой грандиозной спортивной победе в жизни Михаила, увы, поведать особо нечего. Миша добросовестно поднимался на ринг и терпеливо ожидал противника, но противник с равными габаритами не находился, и Михаилу автоматически, согласно правилам, засчитывали победу. Всё! Так воздушно и чудесно шло дело до финала.

Как писал Миша, он уже начал надеяться, что никто и не выйдет на его последний, «триумфальный бой». Но вышел боксёр-перворазрядник, очень большой, сурово нахмуренный бугай. И брата Мишу обморозило – роковой час пробил, сейчас гарантированно и бесславно рухнет он на ринг, хорошо, если не в глубоком нокауте!

Спасла смекалка: Миша молниеносно вошёл в клинч и успел шепнуть суровому на ухо, что это его первый бой в жизни, «давай, мол, повозимся чуток, ты победишь, а я не опозорюсь»... Мужик понял, и Миша даже ни разу не упал. Вот на какие чудеса способен человеческий разум в минуту грубой опасности!

В итоге отслужил Миша все три года доблестно. Иначе и не скажешь. Вернулся старшиной первой статьи, что для срочника – потолок возможной карьеры. К тому же совершил два дальних похода по семи морям и двум океанам, швартовался на африканском континенте, а также у берегов Дубровника и Сирии, год простоял в ремонтных доках Севастополя и тем самым побратался и с Черноморским флотом.

Рассказал как-то и про севастопольские ночные шуточки над ушедшими в увольнение: шарили, мол, корабельным прожектором по сопкам вокруг бухты и, когда поднимали товарищей с местных девчонок, дружно вопили от подлого счастья! Смеаю, приврал.

А кораблик-то, между тем, достался брату Мише легендарный – не только потому, что славной, но ещё и трудной, даже трагической судьбы, о которой из уважения к нему стоит поведать. Уж больно судьба его смахивает на судьбу человечью.

Заложили крейсер ещё при Сталине, а сошёл на воду он в 1955 году – при «царе» Никите. Хрущёв не полюбил корабль сразу. За то, что не реактивный и не атомный. Почему он не попал в число порезанных Хрущёвым более 240 кораблей ВМФ СССР, тем паче что генсек о своём намерении в отношении «Мурманска» высказывался – история умалчивает. Может, отвлёкся на кукурузу за Полярным кругом или на «пидарасов»-абстракционистов. Чёрт его знает! Но корабль уцелел, хотя и сократили его штатную команду с 1270 человек до 495, и поставили на годы в консервацию... Короче, на смену шустрому, как веник, Хрущёву, явился спокойный и вальяжный Брежнев. При нём крейсер очухался, ожил, быстро набрал популярность и даже стал флагманом Северного флота, наилучшим образом проявив себя при стрельбах по радиолокационному наведению, что тогда было внове, а на крейсере как раз и стояло новейшее радиолокационное оборудование. К тому же этот двухсотсорокметровый корабль с двигателем в 110 тысяч лошадиных сил развивал скорость более 60 километров в час, а это не плохо даже сейчас.

Брат Миша как раз и был на этом крейсере в начале семидесятых годов радиометристом, командиром наводчиков главного калибра – в три 152-миллиметровых ствола на башню. И если уж быть до конца честным, то своей безукоризненно точной стрельбой по условным мишеням – существенный

вклад в боевую репутацию крейсера, занимавшего в эти годы неизменно первые места по всему ВМФ в стрельбах, Миша своей тяжёлой рукой внёс.

Так-то вот обстоят дела в глубокой исторической ретроспективе советской мирной боевой славы, дорогие товарищи! И это не шуточка – быть лучшим наводчиком на лучшем корабле ВМФ СССР, а именно такое звание заслужил крейсер «Мурманск» к концу восьмидесятых.

Но... пришёл к власти новый «царь», Горбачёв, и вскоре «лучший крейсер ВМФ СССР» сначала переформатировали в корабль управления, а через год – списали в утиль.

Под руководством Горбачёва страна в одностороннем порядке пошла на разоружение. До сих пор Запад не очухался от геополитического шока. Да оно и понятно – не было в мировой истории аналогов подобному: то ли предательству, то ли идиотизму!

Но и это не всё. Уже в 1992 году, при Ельцине, вспомнили, что где-то в заливе Кольского полуострова всё ещё ржавеет «слава Северного флота», никому теперь не нужный крейсер «Мурманск». И окончательно «исключили» его из состава, «расформировав».

А в 1994 году – «лучший крейсер» продали Индии как металлолом. Его посадили на стальной ошейник, как обречённую собаку, поволокли буксирами к чужим океанам и берегам.

И вот тут оказалось, что душа крейсера ещё жива! Проходя по водам Ледовитого океана, предчувствуя встречу с Атлантикой, он, столько раз бороздивший эти два родных ему океана – рвёт «ошейник» и выбрасывается на скалы острова Серейя, упав на песчаное дно норвежского фьорда, место своего последнего пристанища. Словно окончательно соединив в своей судьбе два океана, но и сам себе выбрав «могилу».

Ещё целых девять лет он пролежал на правом боку, днём рассматривая туристов и зевак, специально едущих к нему – поглазеть на русского богатыря. А ночами сам смотрел в северное небо, мысленно прокладывая пути среди звёзд. Пока не растащили его стальное тело до последней заклёпки.

Такая вот судьба приключилась у корабля, на котором три года отслужил моряк Миша, мой брат. Большой и сильный, но не сказать, что очень везучий. Случилось и с ним то, что, по моим наблюдениям, оставило неизгладимый след.

Однажды пришлось Мише забраться на достаточно высокую радиолокационную башню крейсера с технической инспекцией, и в это самое время какой-то идиот внизу врубил станцию на полную – и попал Миша под колоссальный волновой удар! Последствия этой контузии я почувствовал после его возвращения домой, ещё ничего не зная.

Не мог я понять, смириться не мог с тем, что вот ушёл он из дома три года назад – добрейший, ласковый, простодушный человек, а вернулся задумчивый, беспричинно темнеющий парень, способный час просидеть с опущенной головой, словно в великой и дремотной озадаченности.

Что он мог получить от крейсера в тот роковой момент, когда враз и дыбом встал каждый волос на его теле и затрещал вокруг возмущённый воздух?!

Не знаю, не знаю...

Но посуровел наш добряк, это бесспорно. И ещё обнаружилась новая новость: когда в застолье начинались разговоры на «высокие» темы, Миша водил, водил взглядом по «умникам», подозрительно мрачнел, поднимал рюмку и, останавливая повелительным жестом очередного оратора, с очевидным мужским сарказмом говорил: «А не поднять ли нам бокалы за дам, которые своим пыш-шным букетом украш-шают этот стол?» Вставал во весь свой «военно-морской» рост и внимательнейшим образом наблюдал за тем, как поднимаются над столом «умники»... Если за столом оказывался при этом папа, папа ухмылялся, с интересом наблюдая за Мишей своим синим из-под брови глазом и хмыкал, загадочно оценивая ситуацию.

Слава богу, контузия не помешала брату окончить экономический факультет МГУ, поработать в Институте международной экономики, в экономической редакции АПН, пока... перестройка не выбросила Мишу, как многих из нас, на папёрть «свободного рынка», но это уже другая, отдельная и, разумеется, драматическая история, которую не оторвёшь от мировой, во всей красе её масштаба.

Вернёмся к доблести. Вот что получается в сумме усилий одной лишь нашей семьи – отца, братьев и мамы. Отец окончил школу в июне 1941-го, в Великую Отечественную ранен четырежды, два раза тяжело. Прошёл Сталинград, Курскую дугу, командовал батальоном сапёров, капитан. Тут, как говорится, вопросов нет. Боевые ордена не врут. К папиным ранам прибавились Мишина контузия, а про достижения его я не всё, но сказал.

Младший Иван – добровольно ушёл со второго курса журфака МГУ в десантные войска, служил в лучшей разведроты СССР, под началом легендарного десантника-разведчика, боевого офицера Леонида Васильевича Хабарова. Как и Михаил, собрал все высшие знаки отличия для солдата-срочника. И позже добровольцем отслужил военным переводчиком в Анголе два года, ранен в бою, контужен, переболел африканской лихорадкой и там же подцепил гепатит, который позднее убьёт его в мирное время, в возрасте 59 лет, переродившись в неизлечимый недуг.

Остаётся сказать о матушке. В пять лет окажется в ссылке на Бодайбинских приисках, вместе с матерью, старшим братом и четырьмя сёстрами. Как дочь врага народа. Однако выживет, станет учительницей русского и литературы, встретит отца, родит ему трёх сыновей. Сдюжит с отцом все годы его политической опалы при Брежневе, поднимет нас, потом потеряет отца, младшего сына. И, перевалив за девяностолетний рубеж, будет без ошибок читать наизусть Лермонтова и Пушкина на наших с ней неторопливых дачных прогулках. Доблесть?

И всё же, когда сегодня смотрю я на своего седого брата Михаила, вспоминаю не о доблести его воинской. Я вспоминаю, как зимними вечерами забирал его из детского садика и вёз через тамбовские сугробы на санках, время от времени оглядываясь на краснощёкого пузана, беспокоясь – как он там, не замёрз? А он всякий раз отзывался в ответ приветливой улыбкой. Вспоминаю, как в трескучий мороз спровоцировал его лизнуть чугунную ограду нашего палисадника, и он, простодушный, лизнул. И как забудешь горячее своё раскаяние в тот момент, когда Мишу всем двором пытались отлепить от чугуна, но всё же кусочек его языка так и остался на ограде, когда Мишу «оторвали»? Не забыть такого. Не забыть.

Ведь простодушие и доверчивость сохранил он и в девяностые годы, вынужденно занимаясь бизнесом. А когда заработал деньги, практически всё раздал в долг бывшим друзьям. Как он мог подумать, что они ничего не вернут назад? Ну вот как? Ведь сам он всегда возвращал и даже представить не мог, как возможно нарушить слово, данное другу! Этому же учила с детства мама!

Боюсь, он один из нас троих твёрдо следовал маминим урокам. Да и сейчас такой же, хоть бит-перебит предательствами и вероломством.

Бог ты мой, что мы вспоминаем, прожив жизнь?! Наш младший брат Ванечка, отчаянно махнувший через десантуру и войну, на полном серьёзе, с детской обидой припоминал ещё совсем недавно нам с Михаилом, как мы мучили его, зажимая пальцами кончик носа, и обвинял, что нос у него с малолетства приобрёл каплевидную форму!

А Миша до сих пор вспоминает, как в детстве, впервые оказавшись в Сочи, не доел шашлык – очень-очень вкусный, сочный, первый в жизни шашлык. Каждый раз, когда Миша начинает описывать этот свой недоеденный шашлык, его сочные, с хрустящей корочкой сиротливо оставшиеся три кусочка, дразняще пахнущие костерком, сахарно-белые олимпийские колечки репчатого лука, ломтики пурпурного помидора, с зеленоватыми в мякоти зёрнышками, и... невероятно вкусный томатный соус на ободке тарелки – у всех начинают течь слюнки, и народ оглядывается на маму, с горячим сочувствием к Мишиной трагедии. Из-за отъезжающего автобуса мама подарила Мише трепетное воспоминание о первом шашлыке на всю жизнь!

Неужели доблесть моей собственной жизни только в том, что я почему-то помню об этих и прочих мгновениях и процарапываю их на бумаге? Что не могу забыть про то, как в сорок-то лет взял зачем-то «Маленького принца» Экзюпери перечитать в Гульрипши, на пустынном сером абхазском берегу, а дочитав, разрыдался и упал лицом в море? Про то, как вёз на санках добрейшего маленького толстяка? А он успевал улыбнуться, будто знал, что я сейчас оглянусь на него. Неужели это всё? Вся моя доблесть? И оправдание моё... чего?

Эх, Мишка-Мишка! Ну же! Где твоя улыбка, Мишка? Где ямочки на щеках, бедный мой дорогой брат?..

ПРИМАКОВЫ

С Примаковыми связаны дорогие воспоминания. В августе 68-го года я жил на их «правдинской» даче в Дзинтарсе под Ригой. Кровать мне поставили у окна, и я – в двадцать-то лет! – возвращался «домой» из «ночного» через окно, чтобы никого не будить. Сам Евгений Максимович отсутствовал. Жили в небольшой, кажется, двухкомнатной дачке. Лаура Васильевна, для меня – единственная его жена – и их чудесные, просто восхитительные дети: тринадцатилетний сын Саша и очаровательная крошка Нана.

Моего отца из «Правды» к этому времени уже убрали. Так что это был и дружеский жест поддержки со стороны Примакова. Ведь он продолжал работать в газете и отлично знал, что Георгия Куницына наказал лично «дорогой Леонид Ильич Брежнев». Наказал за то, что тот посмел заступаться за Лена Карпинского и Фёдора Бурлацкого, которых он, Брежнев, повелел из «Правды» выгнать. За их скандальную статью в «Комсомолке» против театральной цензуры «На пути к премьере».

Мой отец – единственный из всех присутствовавших на судилище – проголосовал против. Единственный! При том зная, что Ильичу доставят стенограмму заседания...

В том августе я впервые в жизни увидел море! Я столько мечтал об этой встрече, воображал себе море на разные лады, но, когда мы с моим «проводником», младшим Примаковым, взбежали на песчаную дюну и передо мной предстал Рижский залив, я ахнул от разочарования! И это – море?!

Смешно признаться, но среди моих ровесников, мальчиков и девочек, живших в соседних «правдинских» дачах, самым интересным, умным, живым и доброжелательным собеседником оказался всё тот же Примаков-младший. Это был настоящий ребёнок-вундеркинд! Весь пляж «сползался» к этому ребёнку, когда он вдруг начинал наизусть, целыми страницами декламировать текст «Золотого телёнка» или «Двенадцати стульев» – в лицах, в характерах! Или на великолепном английском, встав в позу – монологи Гамлета и короля Лира! К тому же Саша был обладателем чудо-техники, ещё не виданной в родных палестинах – миниатюрного переносного магнитофона с мини-бобинами, на которых были записаны «Битлы» свежайшего выпуска! Этот магнитофон, размером с большую книгу, имел ремень через плечо, две скорости и кармашек для «уменьшенных» плёнок. И что вы думаете? Я не успел даже договорить, как он притащил мне это чудо – со всеми своими чудесными плёнками – перед вечерним романтическим свиданием, понимая лирическую, разоружающую силу «Битлов». И в дальнейшем предлагал магнитофон первым, не дожидаясь, чтобы я заикнулся сам...

Сегодня, видя сквозь время, как сидят на лавочке и увлечённо беседуют двадцатилетний студент третьего курса философского факультета МГУ и школьник-семиклассник – о Монтене и теории Платона об идеях и «тнях теней», мне кажется это причудливым. Но в реальности нам просто было интересно друг с другом. Младший Примаков превратился в мой «хвостик». Сам он сформулировал изящнее: «Я твой верный Санчо Панса! Ты не против, если я буду сопровождать тебя в твоих походах и подвигах?!» Но я был такому товарищу только рад.

Однако вскоре на «правдинском дворе» появились две новые сильные фигуры! Они приехали одной электричкой, но с разными целями. Молодой начинающий сценарист Саша Миндадзе сразу же попал под горячую опеку Лауры Васильевны, а вот второй «богатырь» как вихрем закружил меня. Звали его Андрей, он приехал в отпуск, отслужив год срочной, к маме, сотруднице «Правды». Приехал на шесть драгоценных дней и не желал терять здесь впустую ни минуты! Для моего Санчо Пансы настали чёрные дни. Мало того что мы с Андреем практически на весь его «армейский» загул изъездили чудо-магнитофон вместе с «Битлами», главное – не могли мы таскать за собой школьника, потому что окунулись в настоящую пучину курортных безобразий!

...Запомнилось ещё, как ездили с Лаурой Васильевной на электричке в Ригу. Она заказала местному столяру-мебельщику «эсклюзивную» тумбочку по своему чертежу. Я с радостью исполнял роль носильщика, пытаясь хоть в этом быть ей полезным. Жена Примакова нравилась мне, она сразу же покорила своей открытостью, искренней прямоотой. При этом в ней бурлил грузинский темперамент, и её эмоциональность совершенно обезоруживала любого. Однажды к нам приехала из сибирского Киренска папина племянница Галя, моя двоюродная сестра. Высокая, голенастая девчонка лет семнадцати. Лаура в восхищении уставилась на её длиннющие, как у цапли, ноги и бросилась возить её по магазинам, одевать по моде!

А чего стоили её публичные восхваления в адрес Георгия Куницына? Не раз слышал у нас дома, как она тоже как-то по-грузински горячо восхищалась – при Примакове! – отвагой моего родителя, способного ради убеждений и правды на «безумные» поступки. И при этом, не стесняясь, упрекала при всех Евгения Максимовича в том, что он так поступать не умеет, слишком осторожный и расчётливый. Примаков в ответ всегда примиряюще смеялся, отшучивался, тоже говорил отцу комплименты. Его природное обаяние, мягкий юмор снимали любое напряжение. Да и видно было, что, несмотря на эти спонтанные Лаурины выпады, они оба любят друг друга.

И вспоминается, как одним августовским утром в «моё» окно тревожно застучали. Стучал Всеволод Овчинников, теперь знаменитый по книгам о Японии, прекрасный журналист и писатель. Он

почти прокричал громким шёпотом: «Володя! У вас есть радиоприёмник? Мой не ловит. Кажется, война! Наши танки вошли в Прагу! Скорее просыпайтесь!»

Такое вот было лето 1968 года...

Спустя пару лет Лаура и Евгений Примаковы были на моей первой свадьбе. До сих пор храню их подарок – грузинскую чеканку и декоративную большую настенную тарелку. «Это авторская!» – предупредила Лаура.

А ещё через десять лет я стоял в Институте США и Канады – у гроба Саши Примакова. Он умер внезапно, как говорили, на Красной площади, во время демонстрации 1 мая 1981 года. От сердечного приступа. Гениальный, прекрасный юноша, человек такого обаяния, какое мне больше не повезло в жизни встретить ни разу. До сих пор скорблю по нему, ужасаясь горю, которое пережили Лаура и Евгений!

Отец всегда говорил о Примакове с огромной симпатией: «У Жени редчайший талант! Он умеет дружить! Женя может очаровать любого человека! Любого! Он настоящий дипломат, тонкий, умный. С ним легко, тепло и приятно любому человеку. Это великий талант. У меня такого нет...»

Но добавлю от себя, поскольку отец не дожил до этого события – Евгений Максимович Примаков, человек – РАЗВЕРНУВШИЙ СВОЙ САМОЛЁТ НАД АТЛАНТИКОЙ! Россия будет помнить это долго. С гордостью...

ЭРНСТ НЕИЗВЕСТНЫЙ

Всего однажды привелось мне видеть знаменитого скульптора Эрнста Неизвестного, но зато в нашем доме.

Поскольку матушки в тот момент не было, отец с гостем прямиком отправились на кухню, и вскоре послышалось оттуда звяканье бутылок, а затем и рюмок.

Неизвестный – когда вошёл в прихожую – скользнул по мне безумными глазами, мельком, как по случайному предмету.

Особенность взгляда состояла в бытовой незречести! Похоже на того же Пикассо. Если присмотреться к глазам Пабло на фотоснимках – в них заметна опрокинутая перспектива бесконечности, из которой он, Пикассо, смотрит в этот мир, будто соображая, как он может сюда протиснуться, среди сходящихся плоскостей.

Через некоторое время из кухни стали доноситься по-мужски возбуждённые голоса. Я прислушался. Эрнст называл имена великих писателей – Державин, Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Достоевский... А затем – татары, эфиоп, шотландец, шляхтичи! Я понял суть дискуссии. Тогда, в начале семидесятых, среди особой части советской интеллигенции стало модным мнение, что всю «большую» русскую литературу создали не русские. Если судить по крови.

Отец на дух не принимал эту «подлую расистскую галиматью», и потому градус кипения на кухне стремительно повышался.

Затем я услышал, как отец, видимо, совсем потеряв терпение, громогласно объявил на всю квартиру и прилегающие территории: «Я тебя в окно сейчас выброшу!»

Наступила мёртвая тишина. И в этой тишине голос скульптора Эрнста Неизвестного зло, но всё же компромиссно, предложил: «Давай на руках!»

Я быстро представил покатые его, почти борцовские плечи, вообразил, сколько он намахался за жизнь молотком и зубилом со своими камнями и мраморными глыбами, однажды слышал даже, что, будучи на войне десантником, в одной из рукопашных схваток Неизвестный убил 16 фашистов, сам не помня как, за что получил боевую награду. И всё равно не мог я допустить одного – его торжества. До сих пор отец не знал поражений в борьбе на руках! Я верил, не узнает и теперь.

Они затихли, послышалась короткая возня, громкие выдохи и азартный, раздражённый выкрик Эрнста: «Давай левой!»

Это был конец дискуссии! Если отца не перебарывали правой – а она после ранения разрывной пулей на Дуклинском перевале в 1944-м срослась на сухожилиях и малой косточке, то о здоровой левой и заикаться было нечего. Так через минуту и случилось.

Ушёл Неизвестный из нашего дома слегка взбешённым. Уходя, он уже и не взглянул на меня и совсем не среагировал на моё вежливое: «До свидания, Эрнст Иосифович!»

Папа же благодушно отправился проводить гостя и заодно развеяться. А может, поиграть в шахматы в Берёзовой роще у Ходынского поля с отдыхающими от суеты местными гроссмейстерами.